

Жемчужины Мудрости

Лекция Э. К. Профет

Принц золотого века

Часть II

Публичное унижение настолько озлобило Кока, что теперь он жил только ради одной цели: полностью и окончательно уничтожить своего соперника. Он быстро начал строить планы по уничтожению Фрэнсиса Бэкона. Он возглавил группу людей, объединившихся под «знаменем ненависти». У каждого из них была личная причина увидеть, как Бэкон потеряет власть.

Сэр Лайонел Крэнфилд, второй человек в парламенте, стал правой рукой Кока в этом заговоре. Как и его главарь, он презирал добродетели Фрэнсиса Бэкона. Но в то время как Кок удовольствовался бы падением Бэкона, Крэнфилд положил глаз на его титулы. Джордж Вильерс, «любимчик» короля, которого за «красивое лицо и фигуру» Яков сделал герцогом Бекингемским, ненавидел Фрэнсиса Бэкона (хотя часто разыгрывал из себя его друга), потому что жаждал стать канцлером. Преподобный Джон Уильямс, капеллан предшественника Бэкона, считал, что пост канцлера должен занимать представитель духовенства, как это было в прошлом. Стремясь занять должность канцлера, он присоединился к заговору с целью сместить Фрэнсиса Бэкона с поста. Еще был Джон Черчилль, продажный адвокат канцлерского суда, печально известный подделкой судебных постановлений.

Бэкон, председательствовавший в канцлерском суде, случайно уличил его в подделке документов. За это преступление Черчилля могли привлечь к ответственности, оштрафовать и посадить в тюрьму, но Бэкон проявил милосердие и просто уволил его. Черчилль поклялся отомстить канцлеру за свое увольнение. Решив «не тонуть в одиночку», он обратился за помощью к сэру Эдварду Коку.

Джон Черчилль стал ключевым игроком в заговоре Кока. Понимая, что благодаря своему положению в канцлерском суде

Черчилль знал в лицо и по имени каждого разочарованного участника судебного разбирательства, «каждого обманщика, пострадавшего от закона или считавшего себя пострадавшим», они быстро ударили по рукам. Кок пообещал Черчиллю восстановление в прежней должности, если тот сможет представить доказательства злоупотреблений в канцлерском суде, которые погубят Фрэнсиса Бэкона.

В каждом случае эти разочарованные участники тяжб не могли согласиться со справедливым решением по своему делу или милосердием Фрэнсиса Бэкона. Они ненавидели его за милосердие, потому что милосердие – свойство его Христобытия, его Геня, его Ангела-хранителя. Легко заметить, что эти люди были змеями, незаконнорожденными сыновьями, которые не могли вынести наказания ГОСПОДНЯ, вынесенного им через владыку Фрэнсиса Бэкона. Итак, они сговорились против него, подобно тому, как другие устраивали заговор против Иисуса Христа, Томаса Мора и остальных великих светочей истории.

Первым ударом Кока, когда парламент возобновил работу в январе 1621 года, стало предложение создать комитет по расследованию «злоупотреблений Короны в отношении монополий». Кок, который благодаря моменту своих действий против Короны стал признанным лидером Палаты общин, подготовил доклад. Он встретился лицом к лицу со своим ненавистным соперником перед всем составом британского парламента и перечислил злоупотребления Короны в отношении патентов.

Он искажил факты, создав впечатление, будто бы Фрэнсис Бэкон единолично ответственен за злоупотребления Короны, хотя было очевидно, что один из патентов, подвергшихся наибольшему количеству злоупотреблений, скрепил печатью на самом деле собственноручно король.

Однако король присоединился к своре Кока, возложив вину на Бэкона, заявив: «Я не виновен в тех злоупотреблениях, которые теперь раскрыты. Я основывал свое суждение на мнении других, которые ввели меня в заблуждение».

На основании заявления короля Кок организовал еще один комитет – по расследованию «злоупотреблений в судах, особенно в канцлерском суде», где председательствовал Бэкон. В то время

как некоторые члены парламента сомневались в своей власти над королевским судом, Бэкон ответил, что, по его мнению, «они имеют полное право проводить любые расследования в его суде». В конце концов, реформа законодательства была темой Бэкона на протяжении многих лет. Без фактического согласия лорда-канцлера Кок не мог сделать и шага. Именно такой возможности и ждали заговорщики. И Фрэнсис Бэкон предоставил им полную возможность раскрыть свои карты и свою суть.

Первая речь Бэкона в канцлерском суде, после того как он возглавил его в 1617 году, содержала на самом деле предложение устранить все злоупотребления, такие как «взятки, подарки и подношения», связанные с судебными процессами.

Джон Черчилль, продажный чиновник канцлерского суда, уволенный Фрэнсисом Бэконом, тем временем получил задание от Кока разыскать недовольных истцов или ответчиков судебных споров, готовых подать на Бэкона жалобу. Найдя тех, кто жаждал «свести счеты» со своим судьей, он подготовил списки с подробными досье, которые Кок всюду носил с собой в кармане, чтобы предоставить в нужный момент.

Внезапно на Бэкона обрушилась буря: Кок и Крэнфилд представили список недоказанных взяток, якобы полученных Фрэнсисом Бэконом при исполнении обязанностей лорда-канцлера. Бэкон был совершенно застигнут врасплох, как и другие члены парламента, всегда уважавшие его честность и должность.

За первые четыре срока Бэкон издал 8 798 указов и постановлений и освободил в своем суде от юридической неопределенности более 35 000 участников тяжб. Едва ли хотя бы одно из решений Бэкона когда-либо было отменено.

Исполненный решимости защитить свое доброе имя, Фрэнсис ответил на обвинения:

«Я знаю, что у меня чистые руки, чистое сердце и, надеюсь, чистый дом для друзей и слуг. Но сам Иов или любой справедливый судья, кем бы он ни был, при такой травле, какая была развернута против меня с целью выискать порочащие меня факты, может на время показаться нечистым, особенно когда цель

его противников — высокое положение, а затеянная ими игра — обвинение...

Слава Богу, я никогда не брал ни пенни с какого-либо прихода или церковного содержания. Я никогда не брал ни пенни, чтобы дать ход какому-либо делу, которое я остановил своей властью лорда-хранителя. Я никогда не брал ни пенни за совершение поступков такого рода. Я никогда не входил в долю ни с одним слугой ради получения дополнительной или мелкой выгоды».

Канцлер тем временем заболел и во время судебных тяжб был вынужден оставаться дома в постели. Мы, конечно же, понимаем, что болезнь была вызвана моментумом критики, суда и осуждения, направленным против него этими порочными людьми.

Поэтому, лежа в постели, он написал королю: «Я не был алчным угнетателем народа. Я не был высокомерным, нетерпимым или злобным ни в разговоре, ни в поведении... Что касается взяток и подарков, в которых меня обвиняют, то, когда откроются книги сердец, надеюсь, что, каким бы слабым я ни был, я не окажусь замутненным источником (Притч. 25:26), человеком с развращенным сердцем, с порочной привычкой брать мзду для извращения правосудия и с причастностью к злоупотреблениям нашего времени».

Затем Бэкон попросил дать ему возможность защитить себя в суде.

Дальнейшее повествование основано на личных записях Фрэнсиса о происходившем, составленных его биографом:

«Он пишет пэрам, прося их отложить вынесение приговора до тех пор, пока он не сможет вызвать своих свидетелей, представить опровергающие доказательства, дать указания адвокату, не узнает точные обвинения и не будет в состоянии заняться их подробным разбором. Он просит разрешения на перекрестный допрос и обычные юридические привилегии, присущие делу, рассматриваемому в Высоком суде. Несмотря на болезнь, он активно готовится к защите, зная, что у него чистые руки, чистое сердце и он сможет доказать несостоятельность обвинений.

Незаметно для него обвинения накапливаются. Пока их всего двадцать два, в итоге же их число возрастет до двадцати восьми.

Король встревожен. Настроение Палаты общин таково, что он понимает: если канцлер будет оправдан, Палата обратится против его фаворита и, вероятно, против него самого, что повлечет за собой катастрофические последствия. Трусливый от природы, он обращается за советом к священнику Джону Уильямсу, одному из заговорщиков, жаждущему занять пост канцлера.

Он и Бекингом убеждают короля упросить лорда Сент-Олбанского отказаться от защиты, признать себя виновным в общем смысле, намекая на то, что король может воспользоваться своим особым правом и впоследствии отменить любой приговор, даровав полное помилование.

Они советуют приказать лорду Сент-Олбанскому подчиниться, в случае необходимости, воле короля и признать свою “вину”.

Король, пребывая в ужасе перед кровавой революцией и гибелью, встречается с лордом-канцлером. Он умоляет и заклинает его признать правоту обвинений, чтобы не ставить под угрозу престол. Он дает всевозможные лживые обещания. Наконец, как король своему слуге, он приказывает ему заявить о своем общем согласии с обвинениями. Лорд-канцлер подчиняется...

С его точки зрения, король, занимая свой пост монарха, не может совершить ничего плохого. Следовательно, у него нет свободного выбора. Король представляет признание вины в Палату лордов, где его объявляет принц Уэльский. Лорды ошеломлены этой новостью. На несколько минут воцаряется гробовая тишина.

Но шайка Бекингема-Крэнфилда, вооруженная этим знанием наперед, уже сострепала план. Их враг беспомощен и загнан в ловушку. Их сообщники из верхней палаты, чтобы унижить его, требуют, чтобы он признал себя виновным по каждому конкретному обвинению.

Пути к спасению нет. Отступать ему некуда. Он впервые узнает подробности. Он пишет “виновен” и оставляет свои заметки по каждому пункту...

Кок настаивает на его казни и ссылается на прецеденты, оправдывающие такое наказание. Однако Бэкона штрафуют, лишают должности и заключают в тюрьму...»

Находясь в заключении в Тауэре, Фрэнсис написал королю просьбу о помиловании: «Я был самым справедливым канцлером на протяжении пяти сроков со времен моего отца...»

И когда его, наконец, освободили из тюрьмы, он вновь написал: «Смиренно благодарю ваше величество за мою свободу, без которой любая последующая милость пришла бы слишком поздно. Но ваше величество, пролившее слезы при начале моих бедствий, надеюсь, прольет на меня и росу своей милости и доброты в конце их. Позвольте мне жить, чтобы служить вам, иначе жизнь будет лишь смертной тенью для преданнейшего слуги вашего величества. Брат Олбан».

Фрэнсис Бэкон считал себя живой жертвой на алтаре человеческих нужд. А что же те, чья ненависть привела к торжеству зла? Добыча быстро досталась победителям.

«Сэр Эдвард Кок наконец-то вкусил сладость мести во всей полноте, вскоре снискав, как никогда прежде, расположение короля и Бекингема. Словно “Геркулес”, предстал он [за свои “подвиги”] перед страной в качестве великого реформатора, спасающего страну от злоупотреблений и продажности.

Сэр Лайонел Крэнфилд был удостоен дополнительных почестей и поднялся по лестнице государственной власти. Он стал казначеем Тайного совета и получил титул лорда Миддлсексского.

Бекингом, благодаря своему предательству и притворству, успешно выдержал бурю и отобрал у Фрэнсиса Бэкона Йорк-Хаус, которого давно жаждал...

Преподобный Джон Уильямс получил должность канцлера, которую он “вождедел и за которую продал свою душу”.

Наконец, Джону Черчиллю, печально известному подделывателю канцлерских постановлений, дававшему ложные показания против канцлера, обещано восстановление в должности в канцлерском суде, возвращено доверие, которым он так постыдно злоупотребил. Он был восстановлен в своей прежней должности, как и обещал Кок».

Что касается Фрэнсиса, то, хотя люди могли отнять у него все, чем он обладал и что сделал, включая честь и репутацию, они

никогда не могли отрицать Истину его самосознания в Боге. Он описал это в своем 121-м сонете¹:

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить
Должно не наше, а чужое мнение.

Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.

Я – это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера,

И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!

Через день-два по освобождении из Тауэра Фрэнсис Бэкон уже планировал, чем будет заниматься после своей внезапной вынужденной отставки. Он писал: «Теперь в самом деле и мой возраст, и мое финансовое положение, и мой талант (который я до сих пор так скупно удовлетворял) призывают меня, коль скоро я покидаю театр публичной политики, посвятить себя литературе, организовать деятелей искусства настоящего времени и помогать тем, кто будет ими в будущем. Быть может, это будет для меня честью, и я смогу провести остаток своих дней как бы в преддверии лучшей жизни».

В своей диктовке от 13 апреля 1968 года Сен-Жермен объяснил, почему ему пришлось в воплощении Фрэнсисом Бэконом претерпеть несправедливость: «Я хочу, чтобы вы знали, что именно воплощенные люди, окружавшие меня, обеспечили мне различные испытания, которые я прошел и которые позволили мне обрести свободу. Не всегда те, кто был добр ко мне, позволяли мне проходить испытания. Много раз именно мои недоброжелатели и моя

¹ Перевод С. Маршака. – *Прим. пер.*

реакция на них позволяли мне пройти испытание, ибо Бог испытывает дело каждого человека, чтобы увидеть, готов ли тот к следующему шагу».

Вечером того же дня, признав себя по приказу короля виновным во взяточничестве, Фрэнсис Бэкон написал следующую молитву:

Всемилоостивый Господь Бог, мой милосердный Отец, от моей юности мой Создатель, мой Искупитель, мой Утешитель. Ты, Господи, слышишь и исследуешь глубины и тайны всех сердец; Ты распознаешь в сердце честность; Ты судишь лицемера; Ты взвешиваешь мысли и дела людей, как на весах; Ты измеряешь их намерения, как линейкой; тщеславие и козни плута не могут быть скрыты от Тебя.

Вспомяни, Господи, как слуга Твой ходил пред Тобою; вспомяни, чего я прежде всего искал и что было главным в моих намерениях. Я возлюбил Твои собрания; я оплакивал разделения в церкви Твоей; я восторгался сиянием Твоего алтаря. Я всегда молился Тебе за ту виноградную лозу, которую десница Твоя насадила в этом народе, я всегда молил Тебя, чтобы на нее проливался дождь ранний и поздний и чтобы она простирала свои ветви к морям и потокам. Устройство и пропитание бедных и угнетенных были драгоценными в моих глазах; я ненавидел любую жестокость и черствость сердца; хотя и презренный сорняк, я добивался блага для всех людей. Если кто-то были моими врагами, я не думал о них как о таковых; заход солнца почти никогда не заставлял меня в неудовольствии, но я, как голубь, был избавлен от излишней злобы. Твои создания были моими книгами, но Твое Священное Писание я ценил многим больше. Я искал Тебя во дворах, полях и садах, но я нашел Тебя в твоих храмах.

Тысячи грехов и десятки тысяч проступков было совершенно мной, но со мной были Твои благословения, и мое сердце, по благодати Твоей, стало неугасимым углем на Твоем алтаре. Господи, Сила моя, от юности моей я встречался с Тобой на всех путях моих благодаря Твоему отеческому

состраданию, Твоим милосердным наказаниям и благодаря Твоему такому откровенному провидению. Одновременно с Твоими милостями ко мне увеличивались и Твои исправления, так как Ты всегда был со мной, Господи; и всегда, когда я благодаря своим мирским успехам возвышался, Твои тайные стрелы пронзали меня; и когда я возносился перед людьми, я, униженный, нисходил пред Тобой.

И теперь, когда я начал больше всего думать о мире и чести, Твоя рука тяжело легла на меня, и я смирился благодаря Твоей по-прежнему любящей доброте, сохранив свое место в Твоей отеческой семье не как незаконнорожденный, но как законный сын. Справедливы и Твои приговоры в ответ на мои грехи, которых больше, чем песчинок в морском песке, но их количество несоизмеримо с Твоими милостями; ибо что такое морской песок, земля, небеса? Все это ничто в сравнении с Твоим милосердием.

Помимо моих бесчисленных грехов, я, признаюсь перед Тобой, Твой должник за талант из твоих обильных даров и милостей, который я не спрятал в салфетку, не отдал, как следовало бы, менялам, которые могли бы извлечь из него наибольшую выгоду, но растратил его на то, для чего я был менее всего пригоден. Так что я могу с уверенностью сказать, что моя душа была чужестранкой во время моего странствия. Будь милостив ко мне, Господи, ради моего Спасителя и прими меня в Твои объятия или направь меня на пути Твои.

Фрэнсис взывает к Богу о прощении за то, что он стремился к служению обществу, но вложенные в это усилия оказались тщетными и ни к чему не привели. Он говорит Богу, что мог бы лучше распорядиться своим временем, проводя его служении Богу и занимаясь тем, к чему он стремится теперь.

Спустя три года после того, как Палата общин пожертвовала своим главным реформатором столетия, король пожаловал ему акт примирения, и Бэкон был восстановлен в должности со всеми причитающимися почестями и привилегиями пэра королевства. Все обвинения во взяточничестве были официально сняты. Дома,

в кругу друзей и семьи, Фрэнсис был принят не как побежденный и опозоренный, а как человек, одержавший величественную победу. Близкие сплотились вокруг него, каждый в меру своих сил ощущая яркость сияющего внутри него света.

В своем родовом поместье Горхэмбери он вновь обратился к наукам. Он написал «Историю Генриха VII» и посвятил ее Бекингеми. Многие другие книги были вскоре отредактированы и увидели свет, включая его знаменитый «Новый Органон».

Сен-Жермен прокомментировал эту часть своего плана в диктовке от 13 апреля 1968 года: «Мой труд “Новый Органон”, изданный под именем Фрэнсиса Бэкона, и вся работа, сделанная мной в Англии, старой доброй Англии, по мнению моих космических единомышленников, тоже были беспрецедентным служением делу свободы. Поэтому они сочли уместным присвоить мне титул Бога Свободы».

Вокруг него постоянно собирался внутренний круг его литературной группы. Ричард Инс описывает их: «Тоби Мэтью, сэр Томас Мьютис; самые любящие и преданные из всех его друзей: Ланселот Эндрюс, чьи чувства к Фрэнсису углубились и смягчились, превратившись в благоговение, которое часто вызывало слезы в его ясных серых глазах; и многие молодые люди – Джон Селден, Джон Донн, Джордж Герберт. Они чувствовали, что их дружба пережила новое рождение, догадывались о высоте и глубине его жертвы, об огне, через который он прошел, о триумфе, который он одержал, хотя и не мира сего».

А еще был Бен Джонсон, вероятно, ближайший друг Фрэнсиса. Он часто приезжал в Горхэмбери, чтобы помочь Фрэнсису в его работе. Первый [«неофициальный»] биограф Бэкона, Пьер Амбур, упоминает об этом загородном доме, «который Фрэнсис поддерживал только для того, чтобы продолжать свои эксперименты.

Здесь у него стояло бесчисленное множество ваз и флаконов; одни из них были наполнены дистиллированной водой, другие – растениями и металлами в их естественном состоянии, третьи – смесями и реагентами. Оставляя их на воздухе во все времена года, он внимательно наблюдал за различными эффектами от воздействия холода, жары, сухости и влажности, за реакциями

соединения и разложения, а также за другими явлениями природы.

В этот загородный дом, расположенный неподалеку от Лондона, Фрэнсис возвратился, чтобы посвятить себя более полно изучению книг и спокойно провести остаток своих дней. Но поскольку он, казалось, был рожден скорее для всего остального человечества, чем для себя, и поскольку из-за отсутствия государственного поста он не мог служить обществу, он в глубине души жаждал принести пользу своими трудами и книгами. Они достойны быть во всех библиотеках мира и стоять в одном ряду с величайшими произведениями античности».

Главным приоритетом для Фрэнсиса Бэкона в этот период его жизни было руководство его литературной группой, в которую входили некоторые величайшие умы того времени. Кроме упомянутых выше в ней числились Эдмунд Спенсер, сэр Уолтер Рэли, Фрэнсис Дрейк и Джордж Уизерс. Большинство из входили в «тайное общество», которое Фрэнсис основал много лет назад вместе со своим братом Энтони.

Эта молодая группа начиналась как «Рыцари шлема», когда они оба учились в Кембридже. Ее целью было содействовать развитию обучения. Фрэнсис был избран ее главой в раннем возрасте. Они приняли идеалы Богини Мудрости и построили свой орден вокруг символов этой мистической Богини. Она была известна как Минерва, Паллада, Афина Паллада и Афина. Она носила шлем, который, как предполагалось, позволял ей становиться невидимой. Богиня Мудрости также была известна как покровительница свободных искусств и наук. Ее главными символами были шлем, посох рядом с ней, змея у ее ног, щит, зеркало и сова.

Посох символизировал знание или мудрость, которыми был побежден змей невежества, лежащий у ее ног; щит использовался как защита в борьбе с невежеством; зеркало служило средством получения и передачи знания или мудрости посредством отражения; сова указывала на тайную мудрость.

Небольшая группа «Рыцарей» со временем переросла в [созданную также Бэконом] другую группу – Общество братьев Розы

и Креста. Члены новой группы стали еще более невидимыми, чем предыдущий круг. Они следили за тем, чтобы все их работы были отмечены особым кодом, дабы они могли узнавать друг друга. Впоследствии Общество трансформировалось в два других, официально именовавшихся Братством Розы и Креста и Братством масонов соответственно...

Оба общества рассматривали идею самопреобразования как ритуал алхимического брака. Этот ритуал служит разгадкой к тому, что называется «бэконовским розенкрейцерством». Мэнли П. Холл, выдающийся специалист по тайным обществам, описывает три основных цели розенкрейцеров:

1. Реформа науки, философии и морали.
2. Открытие универсального лекарства, или панацеи, от всех видов болезней.
3. Упразднение всех монархических форм правления и замена их правлением избранных философов.

В начале XVIII века государственное управление в некоторых странах Европы медленно, но верно переходило от абсолютной монархии к более демократическим формам. Похоже, принцип братства не получил достаточного распространения среди людей, чтобы обеспечить объединение и сближение наций без кровавого процесса войны, поэтому розенкрейцеры устремили свой взор на недавно образованные американские колонии и на формирование ядра великой нации в Новом Свете.

Бэкон сыграл важную роль в основании английских колоний. Историк Уильям Диксон отмечает:

«Ни в “Истории Америки”, ни в “Жизни Бэкона” я не нашел ни одного слова, связывающего его с основанием этой великой Республики. Тем не менее, подобно Рэли и Делаверу, он принимает активное участие в трудах, внося заметный вклад в жертвы, благодаря которым закладываются основы Вирджинии и двух Каролин.

Как и люди гораздо менее знатные, удостоенные в Америке много больших почестей, Бэкон вносит денежные средства в великую компанию (Вирджинскую компанию) и занимает пост в ее

правлении в качестве одного из членов совета. К прочим его заслугам следует добавить и роль основателя новых штатов».

Бэкон никогда не был богатым человеком, но взял все свои деньги и передал их Вирджинской компании на основание штата Вирджиния и вошел в состав совета, управляющего им.

Американская война за независимость стала их первым великим политическим экспериментом и привела к созданию национального правительства, основанного на основополагающих принципах божественного и естественного права.

Основой розенкрейцерского видения Нового Иерусалима в Америке стала знаменитая книга Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида», впервые опубликованная в 1627 году. В ней символически рассказывается о посвящениях «Я ЕСМЬ»-расы при основании Америки. Во введении к книге описывается, как огненный столп появляется на острове (который Фрэнсис Бэкон назвал Новой Атлантидой), и все жители одного из крупных городов плывут на лодках, чтобы приблизиться к нему.

У основания огненного столпа в воде плавает деревянный ящик. Все приближаются к столпу на определенное расстояние, но обнаруживают, что не могут подплыть ближе. Один из священников дома Соломонова возносит молитву Богу, прося раскрыть значение этой тайны. После его молитвы его лодка обретает свободу подплыть ближе, а когда он приближается к ковчегу, плывущему по воде, огненный столп рассеивается. После открытия ковчега в нем обнаруживают все канонические книги Ветхого и Нового Заветов, а также апокрифы и некоторые другие Писания. Помимо книг, там лежит письмо одного из двенадцати апостолов Христа, Варфоломея, который утверждает, что ему явился ангел и повелел положить эти книги в ковчег и пустить их в плавание по водам.

Кроме того, Варфоломей утверждает, что тому народу, к которому Бог повелел плыть ковчегу, Он дарует Свою милость и благословение. Этот ковчег напоминает о Моисеевом завете, когда израильтяне несли ковчег завета повсюду, куда бы ни направлялись, и, благодаря присутствию Бога в ковчеге, провозглашали победу и достижения своей эпохи.

В этой истории ковчег переносился из Старого Света в Новый, а вместе с ним и возможность испытать сознание золотого века, представленное в книге как Коллегия шести дней творения.

Ранние розенкрейцеры и масоны поклялись хранить в тайне истинную личность Фрэнсиса и авторство его многочисленных произведений, в том числе некоторых, опубликованных под их собственными именами. Считается, что эти люди совместно работали над многими произведениями, относящимися к периоду английского Возрождения.

Имя Шекспира (*Shakespeare*) связано со статуей Афины Паллады, богини Мудрости и Истины, поскольку она почиталась покровительницей как прикладных, так и изящных искусств. В греческом искусстве Афины изображали держащей «в правой руке копьё знания, готовое поразить змея невежества, извивающегося под ее ногой... Когда лучи солнца утром вспыхивали на оружии, заставляя его, как казалось, сотрясаться, простые люди обычно говаривали: «Афина вновь потрясает своим копьем». Поэтому ее называли «Копьем потрясающей» (*Shaker of the Spear*).

Такая лирическая красота, как в пьесах «Уильяма Шекспира», могла принадлежать только величайшему литературному гению своего времени – и это еще одна загадка в жизни Фрэнсиса Бэкона.

В истории литературы не было большей загадки, чем тайна автора пьес, опубликованных под именем Уильяма Шекспира. Тридцать шесть пьес, сто пятьдесят четыре сонета, две длинные поэмы и загадочная элегия «Феникс и голубка» – все они на протяжении четырехсот лет считаются безусловной вершиной литературного, поэтического, драматургического и философского мастерства.

Американская энциклопедия называет Шекспира величайшим автором из числа творивших на любом языке, как древнем, так и современном, утверждая, что его пьесы ставятся чаще и стабильнее, чем любые другие, когда-либо написанные.

Питер Брук, современный руководитель новаторского театрального движения в Англии, сетует, что даже спустя четыре столетия ни один писатель, использующий какое-либо средство

выражения, не смог превзойти Барда [как называют У. Шекспира].

Ричард Грин, автор «Краткой истории английского народа», говорит о поразительном расцвете литературного искусства в богатые на события последние двадцать лет правления Елизаветы I Тюдор, отмечая, что первый театр для широкой публики был построен в Англии в середине правления королевы. На момент ее смерти в одном только Лондоне существовало восемнадцать театров.

Джеймс Ривз в своей «Истории поэзии» отмечает: «Нет ничего более замечательного, чем внезапный расцвет, произошедший в последние двадцать лет правления Елизаветы. Невозможно объяснить неожиданное появление в это время величайшего поэтического гения всех времен – “Уильяма Шекспира”». Разумеется, это утверждение сделано о Фрэнсисе Бэконе.

Расцвет культуры, культуры Матери, гениальных людей в эпоху Возрождения, во времена воплощения сэра Фрэнсиса Бэкона, формирует наше понимание его отношений с его Владыкой, учителем, Гуру – Великим Божественным Направителем. Мы понимаем, насколько истинно учение Братства: где нерушимы взаимоотношения Гуру-чела, где поддерживается связь с Вознесенными Владыками, с Ветхим Днями, там находящийся внизу может дать рождение тому, кто находится Вверху.

Это показывает: где бы ни было воплощено Слово, там присутствует единственная и неповторимая возможность для изменения цивилизации. Когда вы думаете о безжизненности и тьме Средневековья, о тьме, обрушившейся на человечество как суд за отвержение и распятие Христа в Иисусе, вы осознаете диспансацию, данную Фрэнсису Бэкону, Христофору Колумбу, чтобы воплотить, принести свет в эпоху Рыб, завершить ее и привести людей к моменту основания эпохи Водолея.

Фрэнсис Бэкон закладывал основание эпохи Водолея во время эпохи Рыб, в ее последней четверти, точно так же, как сам Иисус, будучи Давидом и в других своих воплощениях, закладывал основание эпохи Рыб еще до того, как с его рождением эпоха Рыб началась.

Как вы уже знаете, Фрэнсис Бэкон не был Уильямом Шекспиром. Многие студенты путают это и думают, что Фрэнсис Бэкон был Уильямом Шекспиром. Уильям Шекспир был отдельной и независимой личностью с таким именем. Он прожил жизнь и умер. Фрэнсис Бэкон просто использовал его имя и подписывал им свои пьесы, чтобы скрыть собственное авторство.

Энциклопедия Колъера называет Шекспира «лучшим в мире рассказчиком» и утверждает, что темы его пьес обладают универсальной привлекательностью, что их персонажи – не шаблоны, а живые мужчины и женщины, настолько реальные, что их часто принимают за действительно существовавших исторических личностей.

Подсчитано, что Шекспир добавил в английский язык более 15 000 слов, а его произведения цитируются чаще, чем какие-либо другие, за исключением Библии короля Якова, перевод которой, как вам известно, организовал не кто иной, как Фрэнсис Бэкон.

Именно высокая оценка, которая давалась пьесам, создавала проблему их авторства. Британская энциклопедия отмечает: «Источник всех сомнений относительно пьес кроется в несоответствии между величием литературных достижений Шекспира и его скромным происхождением, предполагаемой недостаточностью его образования и неизвестными обстоятельствами его жизни».

Многие ученые задаются вопросом: «Как крестьянин из деревни графства Уорикшир XVI века мог получить образование и впитать культуру, необходимые для написания столь неоспоримо выдающихся драматических произведений?»

Пьесы свидетельствуют о близком знакомстве автора с королевской семьей и главами государств. Как необразованный крестьянин, живший в условиях культурного отчуждения Англии, мог стать настолько хорошо сведущим в делах, которые были явной привилегией одной аристократии? Тот, кто написал пьесы Шекспира, придерживался благородного взгляда на человека и его центральное место в великой цепи бытия, связывающей жизнь на Земле с жизнью во Вселенной. Он понимал жизнь как огромное взаимосвязанное целое – ряд звеньев одной великой

цепи, объединяющей простейшие формы жизни с предельной простотой Бога как любви.

Вспомните слова Гамлета:

Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!²

Мог ли написать эти слова автор нижеследующих строк:

Мой друг, побойся ради Бога
Здесь скрытый прах киркою трогать.
Благословен, кто камни пощадит,
И проклят тот, кто кости разорит³.

Эти слова высечены на надгробии Уильяма Шекспира, считающегося автором величайшего в мире собрания литературных произведений. Как будто нельзя было найти лучшего четверостишия для надгробия, чем эти убогие строки!

Бэкониианцы сумели доказать, изучив различные свидетельства и шифры, приложенные к пьесам, что истинным автором шекспировских пьес был Фрэнсис Бэкон.

Тогда кто же такой Уильям Шекспир? Он просто человек, чье имя напоминало о предмете поклонения Фрэнсиса – «потрясающей копьем» Афине Палладе.

Со мной и Марком произошел очень интересный случай. Душа, воплощавшаяся Уильямом Шекспиром, случайно появилась на одной из наших служб. И он произвел на нас впечатление такого же туповатого, недалекого и не слишком-то умного человека – довольно-таки неотесанного, каким, по нашему мнению, и мог быть Шекспир. И мы спросили Сен-Жермена: «Как ты умудрился

² Трагедия У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» (II, 2, перевод М. Лозинского). – *Прим. пер.*

³ Предполагается, что эта эпитафия написана самим Уильямом Шекспиром. Он боялся, что его прах после смерти могут потревожить, чтобы растащить на сувениры. Поэтому он наложил на свою гробницу заклятие, которое должно было остановить дерзких нарушителей его последней воли. – *Прим. пер.*

выбрать именно этого человека и прославить его в веках за написанные тобой великолепные пьесы?» И знаете, что он ответил? «Карма».

Полагаю, передача ему своих пьес была одним из двух миллионов его правильных решений, благодаря которым он вознесся в той жизни. К слову, если бы вас на небесах ждала Порция, и вы хотели бы вознестись, вы пошли бы на любую жертву, не так ли?

Но, конечно же, Фрэнсис Бэкон, широко пользуясь шифром, вставил в свои пьесы еще при жизни информацию об их истинном происхождении и о себе. Он хотел, чтобы все это не было раскрыто при его жизни, потому что он точно не остался бы в воплощении, если бы опубликовал пьесы как свои собственные или раскрыл шифр. Очень интересно отметить, что свою способность к шифрованию он развил во Франции.

Я всегда думаю о том, как Владыки приводят к нам определенных людей, которые появляются лишь однажды. Они приходят один раз на встречу. Вы встречаете этих людей, и они почти как музейные экспонаты, как свидетельства. Владыки приводят их к алтарю, приводят их на встречу или на какое-то мероприятие с целью дать особое наставление. Много раз они приходили поговорить с Посланниками наедине, и весьма интересно наблюдать за тем, через что приходилось проходить Владыкам. Понятное дело, эти люди не становились лучше после такого опыта: им самим придется выковать собственную идентичность и Христовытие.

Во многом таким же образом Мория привел к нам перевоплощенного [основателя протестантизма] Мартина Лютера. Это был маленький невзрачный человек, который всю жизнь проработал на железной дороге. Он был очень простым человеком, не получившим образования в этой жизни, при этом как две капли воды похож на Мартина Лютера. Мория хотел, чтобы мы увидели Мартина Лютера.

Так вот, этот маленький человек был большим коллекционером тарелок – бумажных тарелок. Он коллекционировал все тарелки, с которых когда-либо ел на званых вечерах. Поэтому он аккуратно завернул бумажную тарелку – нам как раз подавали ужин на бумажных тарелках. Он завернул свою тарелку и унес ее

домой. Он был уже в годах, и такое хобби было одной из его особенностей. Мы больше никогда его не видели. Он написал нам несколько писем.

Было очень интересно наблюдать, какими люди становятся спустя годы в результате кармы, сотворенной в отношении Вознесенных Владык. Конечно же, Мартин Лютер сотворил значительную карму в отношении Иисуса, Матери Марии, Архангела Михаила, Архангела Гавриила и всех святых, которых он изгнал из церкви. Уверяю вас, он не был наделен никаким Духом Христа, но тем не менее находился в воплощении и обладал возможностью [стяжать его].

Я продолжу рассказ о Фрэнсисе Бэконе.

Благодаря своему блестящему уму, непрекращающемуся творчеству и пониманию психологии души, Фрэнсис смог вдохновить целую группу людей работать с ним, записывая акт за актом самые занимательные и поучительные истории, когда-либо рассказанные. Публикуя их под вымышленным именем, он хотел дать своим лучезарным мыслям возможность дойти до простого англичанина. Учение о морали, увиденное через призму драмы жизни, оказывает большее влияние, чем слова на библиотечной полке. Фрэнсиса и его истории любят и почитают веками.

В пасхальное воскресенье 1626 года, в возрасте 65 лет, Фрэнсис Бэкон скончался для мира, который он знал и любил. Его гроб был погребен, согласно его просьбе, рядом с могилой леди Энн в церкви Святого Михаила в Сент-Олбане, графство Хартфордшир.

После его смерти ученые всего мира единодушно признали Фрэнсиса Бэкона «величайшим поэтом всех времен». Не менее тридцати двух панегириков, написанных на латыни, были опубликованы доктором Роули, капелланом Бэкона.

Автор одного из них размышлял: «О добрый мученик, ни одна участь не была печальнее той, когда ты пал под гнетом другого. Струны лиры звенели под его волшебными пальцами, ученость тоже трепетала от его прикосновения».

Автор другого писал: «Никто из тех, кто переживает его, не сможет так сладкозвучно сочетать Фемиду (богиню Закона) с Палладою (богиней Мудрости)... Плачьте же, музы».

Кто-то из Тринити-колледжа написал: «Ты, рожденный Миснервой! Музы, изливайте свои слезы в непрестанном громком плаче! Ты – нервный центр гениальности и превеликая драгоценность тайных посланий».

Его называли «Мастером преданий», «Благородным светилом муз», «Десятой музой», «Ученым Аполлоном», «Предводителем великого хора муз» и «Певцом самого Феба».

Еще один написал: «Ты обессмертил муз».

«Ты царь муз», – утверждает Томас Рэндольф из Тринити-колледжа.

Стих доктора Роули гласит: «Тише, ибо наша скорбь красноречивее в тишине. Нет его теперь, нашего единственного оратора, рассказчика историй, что сбивали с толку дворы королей. Если ты, о Бэкон, заявишь права на все, что ты дал миру и музам, или если пожелаешь стать их кредитором, то вся любовь, земля, музы, тайны Юпитера, молитва, небеса, песня, благовония и скорбь окажутся твоими несостоятельными должниками».

Доктор Роули скрыл гораздо больше надгробных речей, чем было опубликовано, «чтобы они не раскрывали слишком сильно истинную личность Бэкона».

А Генри Оукли произнес весьма загадочную фразу: «Он ушел. Этого слова достаточно для нашей скорби. Мы не говорим, что он умер».

Почему Бэкон снова окружил себя тайной? Изучая подробности его смерти более внимательно, мы обнаруживаем, что каждый из четырех авторов, современников Бэкона, писавших о его смерти, описывает ее по-разному. Первый утверждает, что он умер в доме лорда Арундела в Хайгейте, второй – что это произошло в доме его друга, доктора Пэрри, в Лондоне, третий – что он умер в доме своего двоюродного брата сэра Юлиуса Цезаря в Масвелл-Хилле, а четвертый – что он умер в доме своего врача, доктора Уизерборна. Ни один из этих «авторитетов» не опровергает и не подтверждает друг друга. И никто на самом деле не утверждал, что был рядом с Фрэнсисом в момент его смерти или видел его мертвое тело!

Долгие исследования, основанные на сопоставлении книг и свидетельств, показали, что в действительности Фрэнсис

Сент-Олбанский не умер в 1626 году. Можно предположить, что все, кто сообщил о его смерти, были в сговоре, и каждый поклялся скрыть истинное местонахождение своего почитаемого мастера.

Когда в 1626 году Фрэнсис устроил собственные публичные похороны, он намеревался умереть для мира «философской смертью», а не физической. Его друзья помогли организовать фиктивные похороны, во время которых в церкви святого Михаила Архангела был запечатан пустой склеп. Говорят, что Фрэнсис, переодевшись старухой, действительно поприисутствовал на своих похоронах! Вот оно, чувство юмора седьмого луча. «Прощай, жестокий мир!»

Много лет спустя склеп был вскрыт – и оказался совершенно пуст. Члены тайных обществ Европы полагали, что после своих «похорон» Фрэнсис отправился навсегда в изгнание со своего любимого «Изумрудного острова». Переменив облик, он бежал на европейский континент, где, как считается, прожил более сорока лет под разными вымышленными именами.

Современные бэкониианцы полагают, что Бэкон продолжал писать и издавать произведения под разными псевдонимами, а также пользовался именами известных писателей, входивших в его литературную группу. Одним из таких был Пьер Амбуаз. Он опубликовал первую биографию Бэкона в 1631 году.

Работа была высоко оценена и признана более поздним историком «абсолютно достоверной и заслуживающей доверия». Поскольку эта книга была опубликована, когда считалось, что Бэкон еще жил в Европе, многие полагают, что сам Фрэнсис ее и написал. Думаю, он считал, что никто другой не способен написать его биографию. Таким образом, он мог завершить свою [официальную] биографию в день своей смерти и остался там, чтобы написать книгу о самом себе!

В 1668 году по Европе разнеслась весть о смерти великого адепта Фрэнсиса Сент-Олбанского в возрасте 106 лет. И вновь нет достоверной информации о смерти Фрэнсиса Сент-Олбанского или о людях, чьим псевдонимом он пользовался. У нас нет никаких свидетельств людей, которые видели его смерть

или присутствовали на похоронах. Нет никаких существенных доказательств, указывающих на место его погребения.

Последняя элегия Шекспира, «Феникс и голубка»⁴, была опубликована Обществом розенкрейцеров в сборнике стихотворений «Жертва любви» («Жертва поэта») вместе с поэзией выдающихся авторов того времени. Элегия символизирует самосожжение, смерть и воскрешение поэта. В ней содержится его пророческий намек: после того, как черный ворон клеветы проживет среди рода людского три сотни лет, поэт воскреснет и откроет еще раз свою личность соотечественникам. Тот же самый намек можно найти и в завещании Фрэнсиса Бэкона, где он говорит: «Я завещаю свое имя... суду милостивых людей, чужим народам и отдаленному будущему».

Следующие слова принадлежат Альфреду Додду, его биографу, который, вероятно, лучше всех понимает душу Фрэнсиса Бэкона. Это последние несколько абзацев его книги, написанные в пасхальное воскресенье, 20 апреля 1930 года.

«Любящие Фрэнсиса Бэкона откалывают куски от его погребальной урны, гробницы, чтобы освободить пробуждающийся дух. Внутренняя личность все еще скрыта завесой от обычных глаз, которые не видят, и обычных ушей, которые не слышат. Но для вас, обладающих видением, чувством красоты, любовью к Истине, камень, сокрывший и опечатавший Фрэнсиса Бэкона, будет отвален вашим сочувственным прикосновением. Из этого мертвого пепла восстанет сотворенный заново... Он предстанет взору и будет ходить и говорить с вами о Крестном пути, об остановках на Крестном пути, о Гефсимании, о Голгофе.

Великий Маг вновь ходит среди сынов человеческих – лорд Сент-Олбанский, основатель и отец современного свободного и принятого, или теоретического, масонства, “Потрясающий копьем”, друг человечества.

Он перепишет историю. Он повергнет в смятение всех высокоумствующих в литературе с их глупой болтовней. Он развеет наивные мифы, памятники и святыни очарованием снисходительной улыбки. Он будет жить в сердцах и умах людей вечно

⁴ См. элегию «Феникс и голубка» в приложении. – *Прим. пер.*

как “Шекспир” (*Shakespeare*) – “Потрясающий копьем” (*Shake-spear*), личность, достойная любви. Обладая этим знанием... вы сможете вместе с авторитетной фигурой древности сказать: “Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес” (Лк. 24:5, 6). Альфред Додд, его любимый биограф».

Что ж, можно предположить, что Фрэнсис Бэкон отправился в особняк Ракоци в Венгрии на каком-то уровне, физическом или внефизическом, достиг совершенного мастерства, вознеся и провёл еще две сотни лет в Европе как чудо-человек, вернувшийся к королевским дворам как несравненный Владыка, чтобы попытаться создать Соединенные Штаты Европы. Видели, как он покидает версальский двор, но он, пройдя через очередную дверь, внезапно исчез.

Весьма увлекательно читать обо всех чудесах, которые он совершил и которым посвятил свое сердце в те века (в оставшуюся часть XVII и XVIII веков). Его по-прежнему видели в XIX веке, и он выглядел все моложе и моложе.

Значит, чудо-человек Европы не желал восходить в райские кущи. Он так и не стал королем Англии, но он был магом, давшим новое рождение Англии, Америке. И он всем сердцем желал дать новое рождение Европе. Два столетия в воплощении – это очень-очень долго для Вознесенного Владыки. Каждая секунда этих столетий может быть равносильна миллиону лет в космосе. Он ограничил себя земной ареной.

Каждый выходец или ученик из Европы должен понимать, сколь сильно Владыка Сен-Жермен и его Гуру дорожили землей Европы и ее народами, ибо они суть народ пророка Самуила – десять заблудших колен Израилевых. Они перевоплотились во всех европейских странах, чтобы отправиться на поиски Новой Атлантиды в Новый Свет, отправиться на поиски ковчега завета, который приплыл к берегам Америки именно тогда, когда Сен-Жермен перестал возиться с Европой и направил свое внимание на создание Соединенных Штатов Америки.

Этот поворотный момент настал в час Французской революции. Мы хорошо понимаем, почему именно в тот момент он пошел дальше. Очевидно, он уже готовил Соединенные Штаты. Он участвовал во всех приготовлениях, которые происходили задолго

до Французской революции, за десятилетия до нее. Так что во время Французской революции он находился в Версале, путешествовал по всей Европе и был одновременно рядом с Вашингтоном – как чудо-человек, Вознесенный Владыка, разумеется.

Как он дорожил Богоправлением на земле! Преданность Фрэнсиса Бэкона истинной миссии Иисуса Христа, изложенной в Господней молитве, хорошо понятна. Иисусу достаточно было сказать всего одно фразу, чтобы Фрэнсис Бэкон провел две тысячи лет в воплощении, дабы сделать ее реальностью: «Да придет Царство Твое на землю в том виде, в каком оно есть на небе»⁵.

И как же он предполагал принести Царство на землю? Через Богоправление и алхимию, эликсир молодости, универсальную панацею от всех болезней, которая, очевидно, есть свет священного огня, фиолетового пламени, Святого Духа. Он желал проявить Царствие Божье в вас, и во мне, и в каждом народе. Он, безусловно, сражался с тиранами и змеями с самым поразительным мастерством. Вы можете представлять, что он смотрел сквозь них – словно их тела стеклянные – на Всемогущего Бога, Чьим слугой он был.

Томас Мор питал к королю такое же уважение, как и Фрэнсис Бэкон. Пока король оставался королем, каждый из них был верным слугой короля, но, как сказал Мор, прежде всего верным слугой Бога. Уверена, Фрэнсис Бэкон разделял это убеждение.

Мы были в Грейс-инне в Лондоне, где учился Бэкон, и в инне, где учился Мор. Словом «инн» называют просто юридическую школу и библиотеку. Чудесно посещать места, которые существовали сотни лет и где эти люди были столь реальными! А они были весьма реальными в нашем прошлом, ведь многие из нас – выходцы с острова Британия.

Когда осознаешь, что Сен-Жермен пережил и пытался сделать, на каждом шагу сталкиваясь с невзгодами, понимаешь, что его любовь – любовь несравненная, любовь столь сильная, столь ревностная, столь далеко идущая.

Когда думаешь о том, что Сен-Жермен – выдающий Владыка и был Владыкой и жрецом священного огня уже семьдесят тысяч

⁵ Лк. 11:2. Цитируется с изменениями. – *Прим. пер.*

лет назад; когда думаешь обо всем этом и понимаешь, что он по-прежнему на планете Земля, чтобы освободить нас, то это чудеснейший пример (из известных нам и Вознесенным Владыкам) живого человека, который настолько осязаем, что мы можем увидеть его прямо в нашем зале, можем прикоснуться к нему. Он более материален, более реален, более конкретен, чем мы сами. Он друг лучший, нежели любой из тех, кого мы когда-либо знали или знаем.

Его разум настолько необъятен, что я чувствую себя почти нищенкой, даже пытаюсь быть его Посланником, при мысли, что ему приходится мириться со [скромными возможностями] моего сосуда, чтобы четко донести то, что он желает донести. Но знаете, ему не обязательно останавливаться на мне. Все чудесные достижения в науке, литературе и культуре, которые он породил, могут стать вашей сильной стороной. И вы можете стать выразителями идей Сен-Жермена, используя технологии, которые принес его научный метод.

Полагаю, мы все должны посвятить себя тому, чтобы стать выразителями идей Сен-Жермена, ибо у него так много, много, много талантов и идей во всех областях человеческого развития, что даже с помощью каждого из нас он, возможно, не выразит их все.

Чудесный опыт – сделать Сен-Жермена путеводной звездой в своей жизни. Как я уже не единожды рассказывала вам во время лекционных туров, самым важным событием в моей жизни, думаю, стало то, что в восемнадцать лет я, наконец, взяла книгу с полки и открыла ее на портрете Сен-Жермена, висящем ныне позади меня. Он написан Чарльзом Синделаром.

Было также еще одно его изображение, которое раньше использовалось «Я ЕСМЬ»-движением, основанным Сен-Жерменом. Оно встречается нечасто, его также печатали в книгах движения «Я ЕСМЬ».

В тот момент произошло мгновенное узнавание, электризация моего существа, призыв всей моей души и моих атомов. И с тех пор у меня не было иной причины жить, кроме как найти Сен-Жермена и понять, в чем состоит мое служение ему.

В моем сердце всегда была потребность в подготовке. Как подготовиться к служению Владыке? Меня всегда направляли изучать политологию и устраиваться на определенные должности, которые многому меня научили, например когда я работала в ООН и в других местах. Но, как вы знаете, я потратила пять лет на поиски Сен-Жермена, то есть найти связь с его заданием, которое, как я знала, у меня было. И все эти пять лет, могу вас заверить, я каждый день чувствовала, что если я буду достойна и готова, то Сен-Жермен будет рядом. И тот факт, что его не было рядом, означал, что мне нужно было стремиться делать все возможное, чтобы совершенствоваться, очищаться, готовиться, обучаться, исправляться и учиться слушать внутренний голос. И внутренний голос становился все громче, и громче, и громче. Чем больше я слушала, тем больше я слышала, тем больше получала указаний.

И я знала, что эти указания могут увести меня на многие-много миль, но если я не буду следовать каждому указанию, то так и не доберусь до Сен-Жермена. Я упустила некоторые из указаний, и это мне дорого обошлось, но в конце концов я добралась до него, или это он в конце концов добрался до меня. И как вы знаете, это происходило на фоне ситуаций, похожих на те, с которыми мы сталкиваемся сегодня в Карибском регионе и в Центральной Америке.

Это был кубинский кризис 1961 года. Он породил в моей душе такой пыл, что заставил Владыку откликнуться. Кутхуми объясняет это в своих трудах, опубликованных Теософским обществом: когда чела готов и следует за Владыкой, наступает момент, когда чела заставляет Владыку принять его, и тот должен принять его в ученики. И это был тот самый день, когда я прокричала с крыши Сен-Жермену: «Сен-Жермен, ты должен прийти и принять меня сейчас же! Я больше не могу ждать!» Как раз в тот печально известный день грянул кубинский кризис. Было много кубинских кризисов.

Вскоре Сен-Жермен послал Марка Пророка в Бостон, чтобы найти меня.

Итак, я знаю, что именно пыл вашей сердечной любви к Сен-Жермену привел вас сюда еще до того, как вы узнали его имя,

ибо он – глава (*spearhead*⁶) движения Великого Белого Братства. Именно его жизнь поставлена на карту ради вас, и это он несет вашу карму и принес жертвы вместе с Эль Морией и всеми остальными, поддерживающими его.

Так прекрасно узнать немного больше о жизни Фрэнсиса Бэкона – не столько узнать, что он пострадал от заговора и предательства, сколько понять, как он с ними справился. Они не изменили его отношения к Богу и человеку, не вызвали у него ни гнева на короля (негодяя, занявшего его место), ни гнева на всех остальных. Он перешел к письменному изложению наставлений своего сердца.

⁶ Букв. «острие копья». – *Прим. пер.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Феникс и голубка

(перевод В. С. Давиденковой-Голубевой)

Громкогласный наш глашатай,
С дальних пальмовых ветвей
Протруби нам весть скорбей.
Созывай народ пернатый.

Ты ж, крикливый вестник горя,
Темный демона гонец,
Предвещающий конец,
Ты чужой на нашем сборе.

И не смейте приближаться,
Птицы хищного крыла
(Кроме короля-орла):
Время мессе начинаться.

Белой ризой облаченный,
Лебедь, чей печальный глас
Раздается в смертный час,
Начинай обряд законный.

Ворон трижды долгой жизни,
Ты, который гроб творишь
Тем, кому ты жизнь даришь⁷, –
Плакальщиком будь на тризне.

Начинаем плач наш гимном:
Верность и краса мертвы.
Феникс с горлинкой, увь,
Сожжены огнем взаимным.

⁷ Намек на поверье, согласно которому ворон будто бы убивает своих собственных птенцов. – *Прим. пер.*

Двое любящих их было,
Но была в них жизнь одна –
В двух, но не разделена:
Так любовь число убила.

Сердца два слились так тесно,
Что просвет неуловим
Между ней и между ним
В их гармонии чудесной.

Так голубка вспылала,
Что могла по праву сметь
Вместе с Фениксом сгореть.
«Я» и «ты» для них совпало.

И смешался ум в понятиях:
Как же два с лицом одним –
«Я», но с именем двойным?
Что ж, одним, двумя ли звать их?

Разум полон стал смущеньем:
Разное слилось в одно,
«Это» с «тем» совмещено
Чудодейственным смещеньем.

Можно просто подивиться,
Что слились так мирно два;
И не ум, любовь права,
Если два могли так слиться.

И любовь над их гробницей,
Над свершеньем роковым,
Скорбный плач сложила им –
Фениксу и голубице.

Надгробный плач

Красота – чиста, скромна,
С верностью сопряжена –
В урне здесь схоронена.

Смерть – гнездо, где Феникс дремлет,
Где голубку мир объемлет.
Вечность души их приемлет.

Их союз бесплодным был –
Не затем, что мало сил,
А невинность он хранил.

Верность прочих – напускная,
Красота их – показная,
Истинные ж – персть земная.

Кто красив, в ком верность – суть,
К этой урне лег ваш путь,
Птиц усопших помянуть.